

¹Брагин Е.А.,
^{1,2}Брагина Т.М., ¹Рулёва М.М.,
¹Демесенов Б.М.,
¹Ильяшенко М.А.

¹Костанайский государственный педагогический институт, Казахстан Республикасы, г. Костанай
²Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Состояние популяций и динамика численности дрофы (*Otis tarda*) и стрепета (*Otis tetrix*) в Костанайской области

Дрофа и стрепет являются знаковыми видами казахстанских степей. Многочисленные еще в середине прошлого века популяции этих птиц к началу 1970-х гг. оказались на грани полного исчезновения. Материалом для данного сообщения послужили многолетние наблюдения в Наурзумском заповеднике и на сопредельных территориях в 1977–2015 гг. и на территории Костанайской области в 1998–2015 гг., а также литературные данные. Приводятся сведения о динамике численности дрофы и стрепета в Костанайской области, факторах, повлиявших на снижение численности, и современном состоянии популяций. В настоящее время численность стрепета полностью восстановилась. В 2000 – 2014 гг. его численность изменялась от 10,0 – 59,3 особей на 100 км маршрута с максимумом в 39,2 – 59,3 особей / 100 км на залежных землях, самая низкая плотность 10,1 – 21,4 особей на 100 км маршрута наблюдалась в песчано-ковыльной степи. Популяционная динамика с конца 1990-х гг. характеризовалась в целом некоторым уменьшением численности, но в различных типах степей она носила разнонаправленный характер. После 2012 г. наблюдался быстрый рост населения стрепета, что, вероятно, связано с появлением массы стадных саранчовых. Ситуация с дрофой совершенно иная. Численность этого вида в течение последних 40 лет поддерживается на чрезвычайно низком уровне, без видимых изменений.

Ключевые слова: дрофа, Костанайская область, популяции, стрепет, численность.

¹Bragin E.A.,
^{1,2}Bragina T.M., ¹Ruleva M.M.,
¹Demessenov B.M.,
¹Ilyashenko M.A.

¹Kostanay State Pedagogical Institute, Kazakhstan, Kostanay
²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The status and dynamics of populations of the Great Bustard (*Otis tarda*) and the Little Bustard (*Otis tetrix*) in Kostanai Region

The Great Bustard and the Little Bustard are emblematic species of Kazakh steppes. Populations of these birds were numerous in the middle of the last century but in the early 1970's they fare on the brink of extinction. This paper is based on a long-term observation in Naurzum Reserve and adjacent territories in 1977–2014 and on territory of Kostanai Region in 1998–2014, as well as literature data. The paper provides information on the population dynamics of the Great Bustard and the Little Bustard in Kostanai region, the factors influenced on decline in their numbers, and the current state of their populations. Population dynamics of Little Bustard during the end of 1990th and until 2010 characterized by decreasing of its density, that was most visible in feather-grass steppe. In 2006–2012 the number of Little Bustard varied from year to year, but dynamics from habitat to habitat had sometimes different trend. Since 2012, experienced rapid population growth, which was probably due to the appearance of the gregarious locust forms. The situation with the Great Bustard is absolutely different. The number of this specie in the past 40 years is maintained at an extremely low level, without visible changes.

Key words: Great Bustard, Kostanai Region, Little Bustard, populations, number.

¹Брагин Е.А.,
^{1,2}Брагина Т.М., ¹Рулёва М.М.,
¹Демесенов Б.М.,
¹Ильяшенко М.А.

¹Костанай мемлекеттік педагогикалық институты, Қазақстан, Қостанай қ.
²Оңтүстік федералдық университеті, Ресей, Ростов-на-Дону қ.

Қостанай облысының дуадақ (*Otis tarda*) пен безгелдек (*Otis tetrix*) сандарының динамикасы мен популяцияларының жағдайы

Дуадақ пен безгелдек Қазақстан далаларының маңызды түрлері болып табылады. Өткен ғасырдың ортасында кең таралған осы түрлерге 1970 жылдарда мүлдем қырылып кету қаупі төнген болатын. Осы мәлімдеменің негізгі материалы ретінде авторлардың Науырзым қорығы мен шекаралас аймақтарда 1977–2014 жылдардағы және Қостанай облысындағы 1998–2014 жылдардағы өткізілген көпжылдық бақылаулары мен әдеби деректерді өңдеу негіз болды. Осы жұмыста Қостанай облысының дуадақтары мен безгелдектердің сандарының динамикасы, санының азаюына әсер еткен факторлар, олардың және қазіргі кездегі популяцияларының жағдайы туралы мағлұматтар келтірілген. XX ғасырдың бірінші жартысында, Науырзым далаларының әртүрлі мекенжерлерінде дуадақ пен безгелдектер популяцияларының тығыздығы 1 шаршы шақырымға 1,6–4,9 және 1,0–2,8 дара аралығында болды. 1950–жылдардың екінші жартысы мен 1960 жылдарындағы олардың сандарының күрт төмендеуі ауқымды тың игеруге байланысты. Бірақ, 1980–жылдардың ортасында, кеңес одағының ауылшаруашылығы өз шыңына жеткен кезінде, химикаттарды қолданып және тың жерлерді игеруді жалғастырған кезде безгелдектердің сандарының қалпына келуі басталды. Дуадақтардың жағдайы мүлдем өзгеше. Олардың популяциясы соңғы 40 жыл бойы, ешбір өзгеріссіз, төмен деңгейде болып келеді.

Түйін сөздер: безгелдек, дуадақ, жалпы саны, Қостанай облысы, популяциялар.

**СОСТОЯНИЕ
ПОПУЛЯЦИЙ
И ДИНАМИКА
ЧИСЛЕННОСТИ
ДРОФЫ (*OTIS TARDA*)
И СТРЕПЕТА
(*OTIS TETRA*)
В КОСТАНАЙСКОЙ
ОБЛАСТИ**

Введение

Дрофа и стрепет являются наиболее знаковыми видами казахстанских степей. Многочисленные еще в середине прошлого века популяции этих птиц к началу 1970-х гг. оказались на грани полного исчезновения. Вряд ли можно найти еще какие-то виды, испытавшие столь драматичное падение численности в период освоения целинных и залежных земель.

Массовая распашка целинных земель началась в середине 1950-х гг., последняя волна, охватившая южные сухие и опустыненные степи, стартовала в конце 1970-х – начале 1980-х годов. В эти годы в северных районах области распашка составляла от 50% до 75% и более, в зависимости от характера почв, в сухих степях – 15 – 30% [1]. В условиях кризиса конца 1980-х – 1990-х гг. малопродуктивные пашни стали выводиться из оборота, в некоторых районах площадь пахотных земель сократилась в 2 и более раз.

Начиная с 2000 г., залежи стали повторно осваиваться, их площадь по области к 2004 г. сократилась с 8,8% до 2,9% от общей площади земель. В настоящее время в составе залежей остались лишь малопродуктивные площади на солонцеватых почвах и подверженных эрозии склонах.

Материалы и методы

Материалом для данного сообщения послужили многолетние наблюдения, проводимые в Наурзумском заповеднике и на сопредельных территориях с 1977 года. Начиная с 1997 г., экспедиционные работы в рамках различных проектов выполнялись в большинстве районов Костанайской области. Основным методом служили маршрутные учеты с автомобиля, широко использовавшиеся в исследованиях в 1930 – 1960-е гг. и позднее [2-5]. На территории Наурзумского заповедника и в сопредельных районах проводились также площадочные учеты численности токующих самцов [6].

Для анализа популяционной динамики в период 1930-1970-е гг. были использованы материалы исследований степных птиц, выполнявшиеся в Наурзумском заповеднике в 1930-е

– 1940-е гг. [7, 8, 2, 9], и затем во второй половине 1950-х – 1960-х гг. при проведении зоогеографических работ на территории всей Костанайской области [4, 5, 3].

Результаты и обсуждение

В 1930-е – 1940-е гг. стрепет характеризовался как многочисленный гнездящийся вид Наурзумских степей [8-9]. Населяя различные типы степных формаций, стрепеты с наибольшей плотностью встречались в ковыльных степях на легких песчаных и супесчаных почвах. В 1936-1940 гг. средняя численность в песчано-ковыльных степях составляла 0,74 особи/1 км², изменяясь по годам от 0,51 до 1,22 особей, в песчано-ковыльной степи с зарослями кустарников она была несколько выше – 0,93 особи/1 км² (0,64-1,42), в комплексной степи – 0,04 особи/1 км² (0,01-0,04), на пырейных понижениях – 0,17 особей/1 км² (0,14-0,28) и на залежах – 0,31 особи/1 км² (0,23-0,47). Динамика численности, наблюдаемая в эти годы, связывалась с изменениями погодных условий. Длительные депрессии, после которых численность восстанавливалась в течение нескольких лет, объяснялись массовой гибелью в суровые и многоснежные зимы на местах зимовок [10]. Кроме того, численность снижалась в засушливые годы, но при этом изменения в разных типах местообитаний не были одинаковыми [2]. В 1935 г. стрепет концентрировался главным образом на участках комплексных типчаково-полынных степей, окружающих озера Сары-Моин, Байназар-Копя, Жарколь и на склонах Тургайского плато около пос. Шийли. В 1938 г. наибольшая численность наблюдалась в разнотравно-песчано-ковыльных степях в районе Сыпсына.

Как же изменились распространение и численность стрепета за время освоения целинных степей? В июне – июле 1936 г. в разнотравно-песчаноковыльных степях Наурзумского заповедника численность стрепета составляла 28,5 особей на 100 км маршрута. Средняя численность на 1 км² площади в 1936 – 1938 гг. достигала 2,8 особей, на пырейных лугах – 2,0 особи, на залежах – 1,0 особей. Для 1940-х гг. конкретных данных нет, очевидно, она была не ниже, поскольку за весь период 1930-1940-х гг. статус стрепета определялся как многочисленный гнездящийся вид [9]. Но уже в 1961, 1963 гг., при проведении специальных учетов степных птиц на тех же участках, стрепет не встречен ни разу, а в целом по региону средних степей на 2907 км

маршрутов было отмечено лишь 3 птицы, т.е. около 0,1 на 100 км [3]. На территории Наурзумского заповедно-охотничьего хозяйства за все лето 1963 г. специалистами проводившей обследование московской охотустроительной партии стрепет был встречен всего 4 раза в урочище Жарман и, как указано в отчете, определенно не гнезвился.

Аналогичная ситуация была и в других районах области. В наиболее освоенных северных степях (от границы области до широты оз. Кушмурун и Аманкарагайского бора) и наименее освоенных южных сухих степях (от Наурзума до оз. Сарыкопа) было отмечено по 2 особи, что при протяженности маршрутов 2907 км и 2150 км составило 0,07 и 0,09 особей на 100 км. На маршруте в 747 км в полупустыне Торгая численность составляла 0,27 особей/100 км [3].

За 15 месяцев маршрутных работ протяженностью 12,5 тыс. км в 1962-1968 гг. встречено лишь 8 стрепетов: шесть птиц – в июне 1963 и 1964 гг. и июле 1965 г. в окрестностях с. Дамды на юге Наурзумского района, 1 птица – в Федоровском районе и 1 – у северной опушки Аманкарагайского бора [4]. В 1971-1972 гг. на маршрутах в северной половине области, включая Наурзум, стрепет не встречен ни разу.

Немногим лучше была ситуация в опустыненных степях юга области. В бассейнах рек Торгай и Улы-Жиланшик в мае-июне 1965 г. на 3000 км видели 7 стрепетов. Лишь в одном месте на подгорных равнинах Улутау, у метеостанции Брали, на маршруте 50 км отметили 9 птиц [5]. Холмистые типчаково-ковыльные степи этого района, видимо, оставались последним местом в области, где стрепет был относительно обычен. В засушливые 1965-1966 гг. он встречался здесь довольно редко, в 1967 г. на 30 км между метеостанцией и оз. Обалы видели 2-х птиц, в 1967 г. учитывали до 5 птиц, а в мае 1972 г. подняли 9 птиц.

В мае 1970 г. на маршруте от г. Костанай через Наурзум и оз. Сарыкопа до с. Амангельды и маршрутах в июне-июле в опустыненных степях междуречья рек Торгай и Улы-Жиланшик, от возвышенности Жиланшик-Турме до оз. Жаман-Акколь, стрепет был встречен всего один раз. Встреча была отмечена в Наурзуме, в разнотравно-песчаноковыльной степи у западной опушки Наурзумского бора. Таким образом, крайне низкая численность по всей территории области свидетельствует о полном крахе популяции стрепета в Северном Казахстане уже на первых этапах освоения целинных земель.

В очерке, посвященном данному виду, численность Северо-Казахстанской популяции, выделяемой на территории Костанайской и западной части Акмолинской областей, в 1930-е гг. определялась как тысячи особей, в начале 1970-х – около 400 особей, в начале 1980-х уже около 100 особей [11]. Приведенные цифры не более, чем экспертные оценки, но они показывают реальную динамику изменений.

В Наурзуме в 1970-е гг. стрепет практически исчез, единичные встречи в заповеднике отмечались раз в 2-3 года. В условиях экстенсивного развития сельского хозяйства, в том числе продолжающейся распашки оставшихся целинных степей, надежд на изменение ситуации было мало. Однако, в начале 1980-х гг. встречи стали происходить все чаще, а со второй половины десятилетия начался прогрессирующий рост численности, позволяющий говорить о восстановлении популяции стрепета в регионе [12-14].

В первые годы стрепет встречался почти исключительно на участках разнотравно-песчаноковыльных степей и значительно реже в комплексных степях на пологих склонах котловины оз. Сарымоин. Позднее, с ростом численности, он стал заселять и другие природные биотопы, а с 1989-1990 гг. пошел на

залежи и поля, засеянные житняком, в которых в отсутствие ухода появлялись полынь и виды разнотравья. Численность устойчиво росла до середины 1990-х гг., после чего стабилизировалась, при этом происходили изменения в характере распределения стрепета по биотопам. В годы максимальной численности плотность стрепета несколько превышала соответствующие показатели 1930-х годов. В мае – июне 1995-1997 гг. в разнотравно-песчаноковыльных степях средняя численность составляла от 3,3 до 5,2 птиц на 10 км, в среднем чуть больше, чем в 1936, 1938 гг. – 4 птицы/10 км [3]. Данные маршрутных учетов по основным местообитаниям, представленные в таблице 1, показывают характер изменений численности за период наблюдений. В 1996-2000-е гг. максимальная численность – 90,9 особей/100 км отмечалась на залежах и житняковых полях, минимальная – 10,5 особей/100 км в комплексных степях. В зональных типчаково-ковыльковых степях и разнотравно-красноковыльных кустарниковых степях, сохранившихся в верхней части склонов Тургайского плато, стрепеты концентрировались по границе с бурьянистыми залежами и посевами. Особенно это было заметно в засушливые годы.

Таблица 1 – Численность стрепета на маршрутах в районе Наурзумского заповедника в 1936-2014 гг. (число особей на 100 км)

Годы/биотоп	Песчано-ковыльные степи	Зональные степи	Комплексные степи	Залежи, поля, засеянные житняком
1936, 1938	28,5		1,0*	1,0*
1960-1962	0	0	0	0
1985-1990	39,9 (29,8-50)	8,3 (6,3-12,5)	11,4 (7,1-15,6)	
1991-1995	37,8 (22,2-53,3)	нет данных	11,4 (10,8-1,9)	37,5 (25-47,8)
1996-2000	23,5 (15,3-33,8)	17,1 (5,6-27,6)	10,5 (4,9-25,9)	90,9 (51,9-99,5)
2001-2005	19,9 (8,0-37,5)	25,6 (6,3-26,3)	40,9 (4,5-85,7)	46,6 (39,3-51,9)
2006-2010	10,1 (4,1-18,0)	11 (10,0-12,5)	20,2 (1,9-53,3)	39,2 (26,9-55,6)
2011-2014	21,4 (14,3-35,7)	нет данных	10 (4,5-26,3)	59,3 (34-104,3)

1936, 1938 и 1960-1962 гг. – данные В.Ф. Рябова [2, 3];

* – число особей на 1 км²

В конце 1990-х гг. и первой половине 2000-х произошло заметное снижение численности, особенно в разнотравно-песчаноковыльных степях, но в зональных и комплексных степях численность выросла, а на залежах и житняковых полях, несмотря на почти двукратное

снижение, она оставалась максимальной. В 2006-2010 гг. численность в целом была относительно не высокой, но сильно варьировала по годам и по отдельным биотопам, причиной, видимо, были засушливые годы и отсутствие в достаточном количестве прямокрылых. Резкий

рост численности наблюдался с 2012 г., когда в районе произошла вспышка стадной формы итальянского пруса.

По учетам токующих самцов наибольшая численность – 7-8 особей на 1 км² отмечена в 1994 г. на клетках житняка в охранной зоне заповедника, в разнотравно-песчаноковыльной степи учитывали 5-6 особей, на залежах – 1-3 особей/км² [6]. В мае 1998 г. в разнотравно-песчаноковыльных степях учитывали 3,8 токующих самцов на 1 км², в 2003 г. – 2,5-3,8 особей, в 2007 г. – 1,3, в 2012 г. – 2,5, в 2013-2014 гг. – 3,8 особей/км². В комплексных степях котловины оз. Сарымоин в 1999 и 2014 гг. средняя численность составляла 5,1 особей/км², в 2001 г. в таких же степях восточнее оз. Большой Аксуат – 3,8 особей/км². На залежах и полях, засеянных житняком, в мае 1999 г. учитывали 3,8 токующих самцов/км², в 2003 и 2007 гг. – 5,1, в 2011 г. – 3,8-5,1, в 2012 и 2014 гг. – 5,1 самцов/1 км².

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. стрепет встречался во всех районах Костанайской области, преимущественно на участках ковыльных степей, фрагментарно сохранившихся вдоль склонов речных долин, в Торгайской ложбине и долине р. Убаган, в озерных котловинах и вокруг лесных массивов. Реже он отмечался на пастбищах и сенокосах, засеянных житняком, и на старых залежах. В целом численность стрепета в северной половине области ниже, чем в Наурузуме. Вдоль восточного берега оз. Тениз, в нижней части долины р. Убаган, 23.06.2004 г. на 12 км встречен 1 самец, в средней части долины Убагана, близ оз. Шошкалы, 20.09.2000 на 18 км учтено 3 особи. Самец и пара отмечены 23.06.2002 г. на склонах долины р. Тобол в районе с. Надеждинка. В Сарыкольском (Урицком) районе 1 самец отмечен 24.06.2004 г. близ оз. Бозшаколь.

Обычен стрепет на житняковых полях в окрестностях бора Казанбасы (18.06.1999 г. – 2 самца на 16 км, 8.06.2003 и 20.07.2005 гг. – 1 самец на 9 км, 31.07.2007 г. – 3 самца), на ковыльных участках и полях вокруг бора Аманкарагай (14.5.1998 г. – три самца на 27 км вдоль южной опушки, 12.06.2013 г. – 4 самца). Примерно с такой же плотностью он встречается всюду по пастбищам и сенокосам к югу от Аманкарагай и оз. Кушмурун. На залежах в районе оз. Кушмурун 9.10.1999 г. встречено 7 особей на 17 км, южнее по шлейфу песчаного массива Кумагаш, в правобережье р. Убаган 21.06.2002 г. на 10 км встречено 2 самца и 1 самка.

На западе области стрепет широко распространен в Камыстинском районе, где сохранились большие массивы песчаноковыльных степей. Западнее оз. Кулыкколь на 16 км залежей по 2 особи встречались 24.05.2001 г., 28.06.2002 г. и 26.06.2004 г. На 28 км по полям и залежам от оз. Кулыкколь до с. Уркаш 10.06.2000 г. встречена 1 птица, 30.09.2002 г. там же встречались группы по 3-4 особи, всего 14 птиц, 2.10 – 30 птиц и стая из 29 особей – в степи у оз. Батпакколь, 12.10 встречено 15 особей.

В южных сухих степях на 120 км маршруте в июне 1986 г. стрепет был отмечен лишь однажды – на пырейных лугах близ оз. Сарыкопа. Через 10 лет, в сентябре 1997 г., по восточной стороне оз. Сарыкопа на сухих низкотравных пырейных лугах и в тырсовой и тырсово-попынной степи он встречался с численностью 7,9 птиц на 10 км маршрута. Там же 17.09.2007 г. на 37 км супесчаных ковыльных степей и пырейных лугов отмечено 3 стаи 12, 7 и 10 особей.

В центральной и западной частях между-речья рек Торгай и Улы-Жиланшик стрепет обитает на полого-волнистых шлейфах песчаных массивов с попынно-типчаково-тырсовыми степями и достаточно редок. На 95 км по маршруту Аманельды – Рахмет 5.05.2004 г. встречена 1 птица, 9.05.2013 г. – 2 самца. На маршруте от Рахмета до Айыркума по правому берегу р. Улы-Жиланшик 5.05.2007 г. отмечено 4 стрепета (1,5 на 10 км), 10.05.2013 г. – 4 самца и пара, 12.05 – 2 самца.

Вместе с тем, на границе северных пустынь в 2004 г. стрепет оказался обычным на Шалкар-Нурунском плато к юго-западу от низовий р. Улы-Жиланшик. Здесь, на 60 км маршруте через попынно-биоргуновую пустыню, 25 мая учтено 17 птиц (28,3/100 км). Встречались они на участках с большими пырейными понижениями, только на двух 5-километровых отрезках с несколькими понижениями было встречено 7 и 4 токующих самца. Южнее, при пересечении восточной части Шалкар-Тенизской котловины на 57 км маршруте от р. Тегене до оз. Акколь, стрепет встречен лишь один раз, 20.06.2005 г. у подножия Атанбасчинка.

Таким образом, стрепет, почти исчезнувший в костанайских степях уже после первого десятилетия освоения целинных и залежных земель, стал восстанавливать свою численность в период максимального развития сельского хозяйства. С ростом численности в природных биотопах он расселился на залежи и житняковые поля, где сейчас наблюдается его наибольшая плотность.

К середине 1990-х гг. численность популяции, вероятно, превысила уровни 1930-1940-х годов.

Ситуация с дрофой до начала 1980-х гг. почти зеркально отражала то, что происходило со стрепетом. В Наурзумских степях в 1930-1940-е гг. численность дрофы лишь немногим уступала, а в некоторых биотопах даже превышала численность стрепета. В июне – июле 1936 г. в разнотравно-песчаноковыльных степях встречалось в среднем 20 особей на 100 км маршрута, на 1 км² численность в 1936, 1938 гг. достигала 1,6 особей, на пырейных лугах – 4,9 особи/1 км², на залежах – 3,1 особей/км². В 1961, 1963 гг. на тех же участках дрофа встречалась только на пырейных лугах с плотностью 0,5 особей/1 км², а в целом по региону средних степей на 2907 км маршрутов отмечено лишь 3 птицы, т.е. около 0,1 особей/100 км [3]. Такая же встречаемость была зарегистрирована на маршрутах в северных и южных степях. В 1962-1968 гг. на маршрутах протяженностью 12,5 тыс. км в северной части области, было отмечено лишь 2 встречи: у с. Дамды, на юге Наурзумского района, и в верховьях Убагана. На маршрутах в 1971-1972 гг. дрофа не встречена ни разу [4].

На юге, в опустыненных степях Тургай-Улыжиданшикского междуречья, дрофа сохранялась несколько дольше. В 1961, 1963 гг. на маршрутах в 747 км встречено 4 дрофы, т.е. 0,5 особи на 100 км [3]. На восточной окраине песков Аккум в правобережье среднего течения р. Улыжиданшик в августе 1962 г. на 110 км встречено 5 дроф [4]. В 1965-1966 гг. дрофа была очень редкой, встречаясь в типчаково-ковыльных степях и на пырейных лугах вокруг озер и соров [5]. В июне 1970 г. на маршрутах в районе песков Аккумы было встречено 2 выводка. Одну птицу в середине мая 1971 г. наблюдали в районе метеостанции Брали [4].

В Наурзуме летом 1963 г. за время работы охотустроительной партии дрофа обнаружена не была и не встречалась на территории уже несколько лет. В 1965-1970-е гг. зарегистрирована лишь 1 встреча, в 1970-е – три, в 1980-е – две, причем все встречи происходили в одних и тех же местах: ковыльные степи и пырейные луга в ложбине Карт, ее западные склоны к югу от с. Буревестник и степи к югу от с. Дамды. К северу от Наурзума известна лишь одна встреча из Аулиекольского (Семиозерного) района.

Во второй половине 1980-х гг. были ожидания, что вслед за восстановлением стрепета начнется рост численности и у дрофы. К сожалению, они не оправдались. При этом из несколь-

ких очагов, известных еще в 1970-е гг., изредка продолжали поступать сообщения о встречах дроф и даже выводков. В 1994 г. из-под Буревестника привезли самку с развитыми наседными пятнами, разбившуюся о провода. В 2000 г. у западных склонов ложбины Карт отмечены 2 выводка, трех дроф, вероятно выводок, видели в том же районе 29.08.2006 г. В 1990-е – 2000-е гг. зарегистрировано также несколько встреч на границах заповедника, в районе оз. Кулыколь в Камыстинском районе и на юге Аулиекольского района. Однако все это не складывалось в сколько-нибудь выраженный тренд.

В обширном, и сейчас крайне малолюдном, Торгайском регионе, численность дрофы с начала 1970-х гг. видимо снизилась еще больше. Встречи, в т.ч. выводков, известны только для двух точек: участка междуречья от слияния рек Жалдама и Кара-Тургай восточнее с. Амангельды и района оз. Тентексор у границы с Актобинской областью. Вероятно это единичные пары, а общая численность в сухих и опустыненных степях области вряд ли превышает 20-40 пар. В 1971 г. вся тургайская популяция дрофы оценивалась в 1100 особей, в 1980 г. – около 100 особей [11]. Таким образом, за более чем 30 лет ситуация в лучшем случае не изменилась, и это при том, что в популяции стрепета за это же время произошел резкий, в 60-80 раз, рост численности.

Заключение

Основные причины исчезновения дрофы и стрепета связываются с распашкой земель и сельскохозяйственной практикой. Но разная динамика популяций стрепета и дрофы, как собственно и факторы резкого восстановления стрепета во второй половине 1980-х гг., не совсем понятны. Советская система сельского хозяйства именно в этот период достигла пика своего развития, включая использование химикатов; продолжалось освоение новых земель, а видимые изменения в землепользовании появились лишь в самом конце десятилетия. Однако, именно в эти годы началось восстановление стрепета в типичных песчано-ковыльных степях. Тот факт, что восстановление стрепета шло сначала в естественных местообитаниях, не позволяет основываться на идее адаптации к гнездованию в агроценозах как основной причине роста численности в последующие годы. В то же время дрофа в 1930-е гг. часто встречалась на залежах и вблизи посевов [2], т.е. была более

терпима в этом отношении, чем стрепет. Конечно, дрофа была более желанной добычей для охотников, чем стрепет, но в 1970-е гг. охоты на степную птицу в Северном Казахстане уже не

было. Очевидно, что ответ на этот вопрос требует детального анализа всех возможных факторов как на местах гнездования, так и в местах зимовок.

Литература

- 1 Рачковская Е.И., Брагина Т.М., Брагин Е.А., Евстифеев Ю.Г. Влияние распашки земель на растительный покров и животный мир Костанайской области // Трансформации природных экосистем и их компонентов при опустынивании. – Алматы, 1999. – С. 33-46. ISBN 996501-430-2
- 2 Рябов В.Ф. К экологии некоторых степных птиц Северного Казахстана по наблюдениям в Наурзумском заповеднике // Труды Наурзумского гос. заповедника. – М., 1949. – Вып. 2. – С. 153-232.
- 3 Рябов В.Ф. Авифауна степей Северного Казахстана. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
- 4 Борисенко В.А. О численности журавля-красавки, стрепета, дрофы и джека в некоторых районах Казахстана // Материалы научно-производственного совещания 15-16 февраля 1973 г.: Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 138-140.
- 5 Фадеев В.А. К распространению и численности дрофы и стрепета в междуречье Улы-Жиланчика и Тургая // Материалы научно-производственного совещания 15-16 февраля 1973 г.: Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 229-230.
- 6 Хроков В.В., Карпов Ф.Ф. Численность и поведение кречетки и стрепета в Наурзуме // Казахстанский зоол. журнал «Селевиния». – Алматы: «Tethys», 1999. – С. 223-225.
- 7 Ливрон А.Р. де. Птицы Наурзумских степей // Труды Наурзумского гос. заповедника. – М., 1938. – Вып. 1. – С. 29-126.
- 8 Михеев А.В. К составу авифауны Наурзумского гос. заповедника // Труды Наурзумского гос. заповедника. – М., 1938. – Вып. 1. – С. 127-152.
- 9 Рябов В.Ф. Материалы к познанию степной орнитофауны // Ученые записки Сталинградского гос. пед. Ин-та. – Сталинград, 1950. – Вып. 2. – С. – 179-226.
- 10 Гаврин В.Ф. Отряд Дрофы – Otides. – В кн.: Птицы Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1962. – С. 5-38.
- 11 Исаков Ю.А., Флинт В.Е. Семейство дрофиные. – В кн.: Птицы СССР: Курообразные, Журавлеобразные. – Ленинград: Наука, 1987. – С. 465-502.
- 12 Брагин Е.А., Брагина Т.М. Фауна Наурзумского заповедника. Рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие (аннотированные списки видов). – Костанай: Костанайский дом печати, 2002. – 56 с.
- 13 Брагин Е.А., Брагина Т.М. Гнездовая фауна птиц Наурзумского заповедника // Территориальные аспекты охраны птиц в Средней Азии и Казахстане. – М., 1999. – С. 8-15.
- 14 Брагина Т.М. Наурзумская экологическая сеть (история изучения, современное состояние и долгосрочное сохранение биологического разнообразия региона представительства природного объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО). – Костанай: Костанайполиграфия, 2009. – 200 с. ISBN 978-601-7109-10-3

References

- 1 Rachkovskaya E.I., Bragina T.M., Bragin E.A., Evstifeev Y.G. (1999) Effect of plowing of land on vegetation and fauna of Kostanai region [Vlijanie raspashki zemel' na rastitel'nyj pokrov i zhivotnyj mir Kostanajskoj oblasti]. Transformation of natural ecosystems and their components with desertification. Almaty, Kazakhstan. P. 33-46. (In Russian) ISBN 996501-430-2
- 2 Ryabov V.F. (1949) On the ecology of some steppe birds of Northern Kazakhstan on observations in Naurzum Reserve [K jekologii nekotoryh stepnyh ptic Severnogo Kazahstana po nabljudenijam v Naurzumskom zapovednike]. Proceedings of Naurzum State Reserve. Moscow, Russia. 2:153-232. (In Russian)
- 3 Ryabov V.F. The avifauna of steppes of Northern Kazakhstan [Avifauna stepej Severnogo Kazahstana]. Science, Moscow, Russia. P. 1-176. (In Russian)
- 4 Borisenko V.A. (1973) The number of Demoiselle Crane, Little Bustard, Great Bustard and Houbara Bustard in some regions of Kazakhstan. Materials of scientific-practical conference. Rare and endangered mammals and birds of Kazakhstan. Science, Alma-Ata, Kazakhstan. P. 138-140. (In Russian)
- 5 Fadeev V.A. (1977) Distribution and number of Great Bustards and Little Bustard population in the interfluvium of Uly-Zhilanchik and Turgay rivers. Materials of scientific-practical conference. Rare and endangered mammals and birds of Kazakhstan. Science, Alma-Ata, Kazakhstan. P. 229-230. (In Russian)
- 6 Khrokov V.V., Karpov F.F. (1999) Abundance and behavior of Sociable Lapwing and Little Bustard in Naurzum [Chislenost' i povedenie krechetki i strepeta v Naurzume]. Kazakhstan Zool. magazine «Selevinia». Tethys, Almaty, Kazakhstan. P. 223-225. (In Russian)
- 7 Livron A.R. de. (1938) The Birds of Naurzum steppes [Pticy Naurzumskih stepej]. Proceedings of Naurzum State Reserve. Moscow, Russia. 1:29-126 (In Russian)

- 8 Mikheev A.V. (1938) The avifauna of Naurzum State Reserve [K sostavu avifauny Naurzumskogo gos. zapovednika]. Proceedings of Naurzum State Reserve. Moscow, Russia. 1:127-152 (In Russian)
- 9 Ryabov V.F. (1950) Materials to the knowledge of the steppe avifauna [Materialy k poznaniyu stepnoj ornitofauny]. Scientific notes of Stalingrad State. Pedagogical In- t. – Stalingrad, Russia. 2:179-226 (In Russian)
- 10 Gavrin V.F. (1962) Birds of Kazakhstan: The Order Bustard – Otides [Pticy Kazahstana: Otrjad Drofy – Otides]. Science, Alma-Ata, Kazakhstan. P. 5-38. (In Russian)
- 11 Isakov Y.A., Flint V.E. (1987) Birds of the USSR: Galliformes, Gruiformes: The Family Bustard [Pticy SSSR: Kuroobraznye, Zhuravleobraznye: Semejstvo drofinye]. Science, Leningrad, Russia P. 465-502 (In Russian).
- 12 Bragin E.A., Bragina T.M. (2002) Fauna of the Naurzum Reserve. Fish, amphibians, reptiles, birds, mammals (annotated lists of species) [Fauna Naurzumskogo zapovednika. Ryby, amphibii, reptilii, pticy, mlekopitajushie (annotirovannie spiski vidov)]. Kostanai printing house, Kostanay, Kzakhstan. P. 1- 56 (In Russian).
- 13 Bragin E.A., Bragina T.M. (1999). Nesting bird fauna of the Naurzum Reserve // Territorial aspects of the protection of birds in Central Asia and Kazakhstan. – M., 1999. – P. 8-15 (In Russian).
- 14 Bragina, T. M. (2009). Naurzum Ecological Network (history of research, current status and long-term conservation of the biological diversity of the region representation of a natural object UNESCO World Heritage Site). [Naurzumskaya ekologicheskaya set (istoriya issledovaniy, sovremennyyi status i dolgosrochnoje sokhraneniye bioraznoobrazija v regione predstavitelstva prirodnogo objekta Dsemirnogo nasledija UNESCO)]. Kostanay: Kostanaypoligrafiya, PP. 1 – 200 (In Russian). ISBN 978-601-7109-10-3